
pocket**book**

rocket**book**

РЮРИК ИВНЕВ

*Серебряный век:
невыводимые истории*

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И25

Оформление серии *Андрея Саукова*

Фотография на обложке:
Свищов-Паоло Н.И.,
из фонда РГАКФД, г. Красногорск.

Ивнев, Рюрик.
И25 Серебряный век: невыдуманные истории /
Рюрик Ивнев. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-92995-5

Мемуары Рюрика Ивнева — это интимный рассказ о драматичных событиях русской истории и людях на фоне смены веков.

На страницах этой книги автор выступает на шумных вечерах и диспутах, встречается за кулисами с Анной Ахматовой и Осипом Мандельштамом, посещает «Башню» Вячеслава Иванова, переживает морозы в квартире Сергея Есенина, работает вместе с Анатолием Луначарским, под руководством Всеволода Мейерхольда разыгрывает роль перед призывной комиссией, но оставляет очень мало места себе.

Александр Блок, Владимир Маяковский, Николай Клюев, Александр Вертинский, Валерий Брюсов, Борис Пастернак и многие другие, ставшие культовыми фигурами Серебряного века, предстают перед читателями не хрестоматийными персонажами, известными поэтами и видными деятелями эпохи, а настоящими, живыми людьми.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92995-5

© Ивнев Р., наследник, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Александр Блок на берегах Невы

На одну невидимую нить были нанизаны, как бусины, и это венецианское окно снимаемой мною комнаты, и ветки берез с едва раскрывшимися почками, и книга Александра Блока «Нечаянная радость», и колеблемая ветерком желтая занавеска, похожая на мантию самого солнца, которое возшло в это майское утро 1909 года только для того, чтобы взглянуть, как юный студент теряет голову не от любви, а от стихов.

Но если я потерял голову от стихов Александра Блока, то и неожиданно сделал находку — ответ на мучивший меня вопрос, почему мои стихи не печатают. Ответ был равносителен падению с Эйфелевой башни. Хотя я видел ее только в раннем детстве, но хорошо представлял, что это значит. «Нечаянная радость» Блока, казалось, убедила меня в том, что, еще не родившись, я уже умер как поэт. Забегая вперед, скажу, что через два с половиной года Александр Блок если не воскресил меня, то, во всяком случае, не написал смертного приговора, вынесенного тогда

его стихами. Он же протянул мне рецепт для воскресения.

В чем же была тайна обаяния стихов Блока? Никто из нас, тогдашней молодежи, любящей поэзию, не мог этого объяснить обыкновенными словами. Мы становились в тупик, когда кто-нибудь из «трезвомыслящих» говорил нам, что «куплеты Блока» ничто перед такими, к примеру, стихами Батюшкова:

Я берег покидал туманный Альбиона,
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем неслася гальциона,
И тихий глас певцов ее увеселял.

Нам эти стихи очень нравились, но «Незнакомка» Блока, лишённая торжественности Батюшкова и полная неведомой ещё нам таинственной силы, больше волновала и кружила голову.

В то время никто из нас ещё не знал, что Александр Блок, по его же словам, был лишен самого элементарного музыкального слуха. Да и вряд ли мы тогда поверили бы этому, очарованные прежде всего тончайшей инструментовкой, музыкой его поэзии.

Певучесть стихов Блока была равна соловьиной. Мы могли только чувствовать эту певучесть, но не анализировали ее.

Теперь я думаю, что, может, отсутствие музы-

кального слуха и сделало столь тонким и изощренным его поэтический слух.

В 1911 году его величество случай поселил меня рядом с Александром Блоком на Малой Монетной в маленьком деревянном особнячке, похожем на мальчика, заблудившегося в каменном лесу новых домов, стремительно выроставших на Каменноостровском проспекте за рекой Карповкой. Подумать только, Александр Блок проходит каждый день по улицам, по которым хожу я! И опять взрывается пласт времени и перекладывает по-своему все предметы и впечатления, ставя знак равенства между реально существующими вещами и оттенками мыслей и ощущений.

И над всем этим витает маленькое облачко все более и более увеличивающегося желания пойти к Александру Блоку. Оно выросло, как бы пробиваясь через ограду юношеской скромности, препятствовавшей ворваться без спроса в жизнь большого поэта. Только в эти дни я понял по-настоящему, что спор с самим собой куда труднее спора с другими. Мой товарищ Юрий Ясницкий говорил мне, что если я не решусь пойти к Блоку теперь, когда он живет рядом со мной, то я уже никогда к нему не соберусь, и добавлял: «И будешь потом рвать на себе волосы».

И вот я решился. Волнуюсь с каждой ступень-

кой все больше, поднялся по лестнице и нажал наконец кнопку звонка, от которой отскакивал раз десять, если не больше.

...Дверь открылась. Все оказалось проще, чем я ожидал. Никто меня не спросил, кто я такой, живу ли я в Петербурге или приехал из провинции и по какому делу пришел. Потом, когда я рассказывал моим сверстникам о посещении Блока, восхищаясь той простотой, с которой он меня встретил, кто-то из них пытался острить, что нет ничего удивительного в том, что автор «Незнакомки» так легко и просто принял незнакомца. Когда Блоку сказали, что пришел студент, он вышел в переднюю и повел меня в глубь квартиры. Если бы это происходило сейчас, в наши семидесятые годы, то я бы не удивился, но тогда обстановка, в которой жил Блок, меня поразила. В ней ничего не было типичного для того времени, для среднебуржуазного быта, даже обязательных, как погоны или кушак для солдата, спальни, столовой и гостиной. Александр Блок выбросил этих «трех китов» в свои большие светлые окна. Все три комнаты напоминали усеченную анфиладу. В каждой из них были широкие диваны, полки с книгами, цветами, небольшие книжные шкафы. Полное отсутствие громоздкой мебели, несколько картин, из которых я запомнил Кустодиева и Судейкина, и две или три фарфоровые вазы. Модных тогда

кресел и диванов стиля «модерн» не было, стулья простые, полумягкие, но быт отсутствовал или так глубоко запрятался, что его никак нельзя было обнаружить.

Мы прошли через две комнаты в третью. Все двери были раскрыты настежь. В последней Блок остановился у одного из столиков, на котором не было ничего, кроме нескольких книжек, по-видимому, только что полученных. У меня было такое впечатление, как будто я вошел не в незнакомую квартиру, а в обжитую, где я часто бывал. И Александр Блок был простым, отнюдь не натянутым. Обычно большинство известных людей бессознательно играют роль, которую полагается играть знаменитостям. Блок не задал мне ни одного трафаретного вопроса, он просто начал говорить со мною как с человеком, с которым часто встречался, и вышло как-то естественно, что я без всякого прямого вопроса начал ему рассказывать, что учился в Тифлисском корпусе, но не захотел поступать в юнкерское и приехал в Петербургский университет только потому, что в Петербурге у меня много родственников, в Москве — никого. Блок слушал с таким вниманием и интересом, что я рассказал почти всю свою биографию и, конечно, не скрыл, что начал писать стихи с девятьсот четвертого года, и что в девятьсот шестом году дал тетрадь моих ученических стихов преподавателю русского

языка Владимиру Ивановичу Базилевичу, и как меня удивило то, что, указав на наименее слабые стихи, он ни слова не сказал про политические, вроде «Добьемся кровавой ценою свободы, желанной для всех». Блок улыбнулся, вероятно, вспомнив свои стихи девятьсот пятого года, и задал мне единственный вопрос: «Какого поэта вы больше всего любите?» Я молчал, так как сказать «вас» было бы как-то неудобно. «А стихи молодого Алексея Толстого вам нравятся?» Молодого Алексея Толстого я не читал, поэтому промолчал. Блок, вероятно, это понял и взял со стола маленькую книжечку стихов, прочел:

Родила меня мать в гололедицу,
Пестовал меня лютый мороз.

Разве это не хорошо? Или вот:

И росли золотые волосики
У меня на груди и спине.

Мне эти стихи очень понравились, но сказать «нравятся» не повернулся язык. Потом я понял, что это было глупо с моей стороны, но, наверное, объяснимо: я так был счастлив, что разговор с Блоком шел гладко и естественно, что боялся какой-нибудь неудачной фразой все испортить. Ответил я так: «Стихи хорошие, но не такие, которые любишь до самозабвения». Александр Блок улыбнулся опять, вероятно, поняв, чьи стихи я люблю до самозабвения. Беседа закон-

чилась тем, что я попросил его прочесть мои стихи и рассказик, напечатанные в одном сборнике. Блок взял мой адрес и сказал, что свое мнение он мне напишет.

С этого дня я только и думал о том, что мне напишет Блок. Наконец ответ пришел в лиловом конверте с черной подкладкой.

Письмо было очень суровое, но доброжелательное. Он дал мне рецепт лекарства, которое должно было вылечить меня от слепого подражания декадентам.

В шестидесятые годы я прочел в дневнике Блока: «... ноября 1911 года. Приходил студент Ковалев с честными, но пустыми глазами». И я подумал, как опасно приходить к знаменитостям. А вдруг бы он написал «с выразительными, но лживыми глазами»? Это было бы куда неприятнее. Зато в письме ко мне, в котором он подвергал строгой критике мои стихи, он писал: «Все, что Вы рассказывали мне о себе, было гораздо живее и интереснее того, что Вы пишете».

Александр Блок был замкнут не для всех, но для многих. Числясь в литературном кругу Петербурга, он в то же время как бы отсутствовал в нем, так как не любил бывать в литературных салонах и ни разу не был в кафе «Бродячая собака», хотя там очень часто бывала его жена.

У Блока было врожденное отвращение ко всякой ходульности, напыщенности, шаблону,

пошлости и мещанству. Даже легкий налет пошлости раздражал его и вызывал неприязнь к тем, кто был в этом повинен.

Особенно он ненавидел «окололитературных прилипал», которые проникали во все щели помещения, в котором хотя бы чуть-чуть «пахло литературой». От них некуда было деться, и оставалось только одно — терпеть их присутствие, так как все же их услугами иногда администраторы театров и литературных кафе пользовались. Все они были назойливы и трусливы, и стоило им резко ответить, как они стушевывались. Корректный и вежливый Блок не мог произнести «резкого слова» и поэтому просто избегал те места, где мог их встретить.

Я представляю себе, как его отпугивала мысль, что какая-нибудь весьма почтенная дама, вздыхая и охая, начнет просить его, чтоб он ей рассказал, как он себя чувствует, когда создает стихи или же отвечает на вопрос: «Вы часто думаете о своей Прекрасной Даме?», или скажет: «Но кто же была эта «Незнакомка», которую вы так дивно описали?» Я убежден, что именно эти причины отпугивали Александра Блока от слишком частого соприкосновения с литературными кругами Петербурга.

...Второй раз судьба столкнула меня с Блоком через четыре года после встречи на Большой

Монетной именно в одном из салонов, которые он так не любил.

Это было в 1915 году. Жене Федора Сологуба Анастасии Николаевне Чеботаревской удалось каким-то образом «заманить» Блока в свой салон.

Я был на этом вечере с моим другом пианистом Николаем Бальмонтом (сыном поэта). Александр Блок пришел позже, как всегда корректный и собранный, очень мрачный. Мрачность эта не была ни напускной, театральной, ни тем более вульгарной мрачностью опустившегося человека. Это была мрачность, одухотворенная глубоким страданием.

В ту пору публичных собраний было больше обычного, ибо война породила множество благотворительных вечеров в пользу раненых, сбора средств для фронта и т. п. Блок нередко выступал на таких вечерах. Но выступать в салоне... Однако вежливость не позволила ему отказаться, когда хозяйка вскоре попросила его прочесть «что-нибудь новое».

И вот он своим характерно глуховатым голосом, без тени скандирования, модность которого игнорировал, начал вместо «нового» читать самое подходящее к его настроению стихотворение из цикла «Пляски смерти» (1912 год). В сущности, это была публичная исповедь, ибо всем

было ясно, кто был героем стихотворения Блока. Когда он дошел до строк, как, утомившись хождением по городу,

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак...

Аудитория замерла. Я сидел на одном пуфе, спиной к спине с Николаем Бальмонтом, и почувствовал, как его спина дрожит от сдерживаемого смеха. Я посмотрел на Чеботаревскую и Сологуба. И он и она настолько были убеждены в том, что Блок читал это стихотворение без задней мысли, что все стало на свои места и прошло бы вполне благополучно, если бы вдруг не раздался визгливый смешок какой-то девицы. Но и этот смешок быстро утонул в благопристойном молчании, не вызвал, как это бывает в театрах, всеобщего хохота.

Строгое правило не аплодировать, введенное Художественным театром, было установлено и в салоне Сологуба—Чеботаревской. После того как Блок кончил читать, хозяйка сделала как бы маленький перерыв и потом попросила меня прочесть стихи. Я набрался смелости или, вернее, наглости, сидя почти рядом с Блоком, прочесть, да еще, вдобавок, яростно скандируя, стихотворение — явное подражание Блоку:

Пересекаю всю Россию,
И предо мной одно: вокзал.
И в нем горят твои слепые
И сумасшедшие глаза.

Кончив читать, я посмотрел на Александра Блока. Но у него был такой отрешенный вид, как будто он даже не слышал того, что я читал.

Ни один поэт не был так кровно связан с Петербургом, как Блок. Казалось, что он дышит петербургском воздухом даже тогда, когда бывает вдали от него. Тени Блока витают по всему городу, особенно по тем местам, где он бывал часто. Вот шпиль над Адмиралтейством. Вот неповторимый Летний сад; сколько раз гулял я с Володей Чернявским, ярым поклонником Блока, и Володя, сжимая мне руку, шептал: «Посмотри, вот идет Блок». Вот аудитория «же де пом» в университете, в которой юный Блок читал свои ранние стихи. Я помню эту аудиторию с 1908 года. От нее веяло как бы законсервированной старинной, перенося нас в Париж 1789—1794 годов. Петербург неотделим от Блока. Иной раз мне казалось, что Исаакий, Петр на вздыбленном коне, Острова, кони Клодта на Аничковом мосту и Летний сад — это не что иное, как иллюстрация к ненаписанной книге «Александр Блок и Петербург».

И вот последняя встреча. Середина декабря 1917 года... Я иду к поэту с приглашением вы-